

(Пост)советское: границы закрытого общества

Евгений Добренко

«Дружба народов не знает границ»:

ПРАГМАТИКА И РИТОРИКА БРАТСТВА И СОВЕТСКОЕ
ИМПЕРСКОЕ ВООБРАЖАЕМОЕ В ПОЭЗИИ НАРОДОВ
СССР СТАЛИНСКОЙ ЭПОХИ

Evgeny Dobrenko

“The Friendship of Peoples Knows No Borders”: The Pragmatics and Rhetoric of Brotherhood
and the Soviet Imperial Imaginary in the Poetry of the Peoples of the USSR of the Stalinist Era

Евгений Добренко (Университет Венеции Ка Фоскари, профессор; PhD) evgeny.dobrenko@unive.it

Evgeny Dobrenko (Ca' Foscari University of Venice;
professor; PhD) evgeny.dobrenko@unive.it

Ключевые слова: сталинизм, имперское строительство, дружба народов, границы

Keywords: Stalinism, Imperial construction, Friendship of People, Borders

УДК: 792.071

UDC: 792.071

DOI: 10.53953/08696365_2025_193_3_144

DOI: 10.53953/08696365_2025_193_3_144

Риторика братства и дружбы народов играла ключевую роль в советском имперском строительстве. Ее расцвет связан со сворачиванием в конце 1920-х годов объявленного троцкистским марксистским проекта мировой революции. Интернациональная риторика «пролетарского братства» была инвертирована, то есть обернута на сами советские народы и идеологически перепакована для внутреннего политико-идеологического потребления. С одной стороны, такой поворот вполне отвечал задачам формирования новой — усеченной — идентичности советских народов. С другой — эта риторика играла важную роль в формировании общесоветской идентичности и легла в основу советского патриотизма, разделяя мира на безнационально-гомогенный внутри советских границ (позже эти границы стали охватывать «братские социалистические страны») и враждебный и внутренне «раздираемый националь-

The rhetoric of brotherhood and friendship of peoples played a key role in the Soviet imperial construction. Its heyday is associated with the curtailment of the declared Trotskyist Marxist project of world revolution in the late 1920s. The international rhetoric of “proletarian brotherhood” was inverted, i.e. turned onto the Soviet peoples themselves and ideologically repackaged for domestic political and ideological consumption. On the one hand, such a turn fully met the tasks of forming a new — truncated — identity of the Soviet peoples. On the other hand, this rhetoric played an important role in the formation of a pan-Soviet identity and formed the basis of Soviet patriotism, dividing the world into a nationless and homogeneous realm within the Soviet borders (later these borders began to cover “fraternal socialist countries” of the Soviet bloc), and a hostile and internally “torn apart by national enmity” world outside the Soviet empire. The article examines the metaphors of brotherhood, the family of peoples,

ной враждой» — за пределами советской империи. В статье рассматривается метафорика братства, семьи народов, дружбы и другие троны. Ключевым для этой тропологии является понятие границы.

friendship and other tropes. Key to this tropology is the concept of border.

Одно из наблюдений, сделанных Вальтером Беньямином в 1927 году в Москве, заслуживает особого внимания: «Географическая карта, — писал он в своем «Московском дневнике», — близка к тому, чтобы стать центром нового визуального культа, подобно портрету Ленина»¹. Позже в центре «нового визуального культа» окажется Сталин, а еще точнее, Сталин над картой — любимый образ советских кино и живописи. Карта — настоящий домен власти. Она объект совершенно секретный: диверсанты, шпионы и, разумеется, советские разведчики охотятся чаще всего почему-то за ней. Именно в карте содержатся самые секретные сведения: не в каких-нибудь технических документах, не в каких-нибудь протоколах, не в каких-нибудь списках — в картах.

Довженко рассказывал, как во время обсуждения в сталинском кабинете фильма «Аэроград» Сталин, заинтересовавшись идеей строительства нового города на берегу Японского моря, попросил кинорежиссера показать ему облюбованное место на карте. Для этого, вспоминал Довженко, Сталин провел его через свой кабинет в запертую комнату, где висели карты, завешанные специальными шторами². Святая святых. Эту тайну пространства нельзя понять вне контекста отношения к картам самого Сталина.

Как известно, с конца 1920-х годов до смерти вождь никуда, кроме своих крымских и грузинских резиденций, из Москвы не выезжал. Кремлевский отшельник почти всегда находился в Москве — либо в своей кремлевской резиденции, либо на «ближней даче». Знаменитое сталинское окно в Кремле было всегда освещено. Оно было освещено и во время коллективизации, и во время индустриальной революции 1930-х годов, и во время войны (не является секретом, что Верховный Главнокомандующий лишь раз выезжал на подмосковный фронт), и во времена «великих сталинских строек коммунизма». Сталин руководил самой большой страной мира исключительно по картам. Настоящие, находившиеся в сталинском кабинете карты были эквивалентом власти. А карты — это топография власти. Они всегда — о границах.

Если судить по кино 1930-х годов, СССР состоял из двух пространств — Москвы и периферии. Внутреннего пространства как такового не было. Периферия оказывалась Границей. Сталинская культура — культура воспаленных границ. Они здесь не менее «священны», чем Красная площадь. В 1930-е годы целый поток фильмов о границе («На Дальнем Востоке» Д. Марьяна, «На границе» А. Иванова, «Джульбарс» В. Шнейдерова и др.) создает мифологию и романтику Границы, главные герои которой — пограничник, диверсант и собака — апокрифические персонажи сталинской культуры (см.: [Добренко 1996]).

Граница становится маркером пространства власти, разделителем враждебного и своего. И чем враждебное опаснее, тем свое безопаснее и защищен-

1 Беньямин В. Московский дневник. М.: Ad Marginem, 1997. С. 75.

2 Лебедев Н. Ленин, партия о кино. М.: Искусство, 1938. С. 37—38.

нее. Эта надежность своего обеспечивается его гомогенностью. И в ней риторика «братства» и «дружбы народов» играла ключевую роль. Ее расцвет связан со сворачиванием в конце 1920-х годов объявленного троцкистским марксистским проекта мировой революции. Интернациональная риторика «пролетарского братства» была инвертирована, то есть обернута на сами советские народы и идеологически перепакована для внутреннего политico-идеологического потребления.

Такой поворот, во-первых, был предопределен требованием легитимации сталинского проекта: если главным вкладом Ленина в марксизм стала идея революции не одновременно в наиболее развитых капиталистических странах, но в «слабом звене империализма» (и это положение получило в XX веке практическое подтверждение), то главным вкладом Сталина в теорию и практику марксизма стало «строительство социализма в отдельно взятой стране». Последнее прямо противоречило марксизму, подрывая основные его устремления. Идея коммунистического общества — общества без классовых и национальных границ — требовала своей материализации в практиках советского государства. В той мере, в какой коммунистический режим всячески камуфлировал правящий «новый класс» партийной номенклатуры, подрывавший классовую гомогенность советского общества, он всячески демонстрировал национальную гомогенность советской империи.

Этот поворот, во-вторых, вполне отвечал задачам формирования новой «усеченной» идентичности советских народов, которым вместо суверенитета — в полном соответствии с литературоцентризмом русской культуры — была предложена литература (шире — национальная культура). Риторика братства становится основой культуры сталинской «большой семьи» (со старшим братом — русским народом, матерью-Родиной и отцом-Сталиным).

В-третьих, речь идет о сугубо имперской трансформации границы. Граница — враг империи. С одной стороны, империя озабочена продвижением своих границ вовне, и ее внешние границы — это всегда новые фронтиры и новые возможности для экспансии, а с другой — внутренние границы подлежат перманентному стиранию. Оба этих статуса границы запечатлены в метафорах. Первая — в риторике пролетарского интернационализма. Вторая — в риторике «дружбы народов». Ниже речь пойдет о второй.

Риторика «дружбы народов» в советской литературе нарастала с 1932 года в связи с организацией единого всесоюзного Союза писателей и достигла вершины в 1934 году в ходе проведения Первого съезда советских писателей. Окончательно оформилась она в 1936 году в связи с принятием «Сталинской» конституции, где провозглашался и юридически обосновывался многонациональный характер Советского Союза. Потребовалось по крайней мере 14 лет — от Декларации об образовании СССР 1922 года до принятия «Сталинской» конституции 1936 года — для того, чтобы идеологическая риторика приобрела все черты литературного канона.

Легко увидеть, что риторика дружбы была перевернутым отражением враждебного Запада. Заграничный мир прежде всего непонятен. Это мир других языков, мир, в котором разрушены коды коммуникации. Напротив, советский мир демонстрирует небывалую коммуникативную гомогенность, пересекающую даже языковые барьеры. Образцовым текстом такого рода стал сборник классика украинской литературы Павла Тычины «Чувство семьи единой» (1938), удостоенный первой Сталинской премии первой степени и таким

образом утвержденный в качестве образца. Тычина сравнивал «единение советских народов» с грандиозной «радугою дружбы»:

Воно в мені таке могутнє,
і на стількох стойть підпорах!
Поцілиш близком-громом в сутнє,
і чути: другий грім у горах...

<Оно такой встает вершиной,
Оно таким дыханьем дышит,
Ударишь громом в сердцевину,
И гром другой в горах услышишь.>

Эта громовая отдача превращает все народы советской страны в единую горную гряду, единое акустическое пространство. Перекатываясь от одной вершины к другой, этот гром «сердца народов дружбой греет». Единственное, что отличает народы, — их языки. Их различие должно, казалось бы, сделать непереводимой «единую» речь. Но Тычина открывает новое качество в языках «братских народов» — «первородство в глубинах языка чужого»:

До мови доторкнешся — м'якше
м'яких вона тобі здається.
Хай слово мовлено інакше —
та суть в нім наша зостається.

Спочатку так: немов підкова
в руках у тебе гнеться бідна,
а потім раптом — мова! мова!
Чужа — звучить мені, як рідна.

<Его коснешься ты, все мягче,
Все легче он тебе сдается,
Хоть слово сказано иначе,
Но суть в нем наша остается.

Как будто так: в руках подкова
Упрямая все гнется, гнется,
И разом вдруг — чужое слово
В родной язык родным ворвется.>

Язык перестает быть просто «средством общения». Он более не разделяет, но соединяет. Поэт становится переводчиком, а язык выступает в качестве медиума, лишенного формы, состоящего из чистого содержания:

Бо то не просто мова, звуки,
не словниківі холодини —
в них чути труд, і піт, і муки,
чуття єдиної родини.

<То не язык, не просто звуки,
Не слов блуждающие льдины.

В них слышен труд, и пот, и муки
Живой союз семьи единой.>

Язык — это «не просто звуки». Он вообще не звуки. Но — чистый опыт, из которого рождается некий наднациональный язык — «прекрасный и богатый» — язык советской идеологии:

І позичаєш тую мову
в свою — чудову, пребагату.
А все знаходити це основу
у силі пролетаріату.

<И вносишь ты чужое слово
В язык прекрасный и богатый.
А это входит все в основу
Победы пролетариата.>

(Пер. с украинского Н. Брауна.)³

Метафора «семьи единой», перекликающаяся с центральным мифом сталинской культуры — мифом «большой семьи» (см.: [Clark 1981: 114—135]), отнюдь не случайно связывается прежде всего с языком, перестающим быть элементом диссоциации, но превращается едва ли не в главное средство единения. Ядром этого единения становится основной продукт национального языка — литература, а сами национальные языки «в семье единой» — лишь разные медиумы, «национальные по форме» и русские «по содержанию», поскольку все их «богатство» раскрывается исключительно через переводы с русского:

Наш язык цветет и крепнет
В песне бодрой, а не грустной.
Стал он языком народа,
И науки, и искусства.
Книга нашему народу —
Знанье и культурный отдых.
Маркс и Энгельс, Ленин, Сталин
Есть в чувашских переводах.
Горький есть, Толстой, Белинский,
И поэт, из лучших лучших,
Александр Сергеевич Пушкин
По-чувашски нынче звучен.

(Письмо чувашского народа великому Сталину под-
писали 219 612 человека. По поручению чувашского
народа письмо составлено коллективом чувашских
советских поэтов и писателей. На русский язык пере-
вели поэты: Александр Жаров, Джек Алтаузен.)⁴

3 Тичина П. Чуття единої родини. Київ: Держлітвидав, 1938. С. 5—6. Рус. пер.: Ленин, Сталин в поэзии народов СССР. М.: Художественная литература, 1938. С. 429—430.
4 Сталин в поэзии: к шестидесятилетию со дня рождения. М.: Художественная литература, 1939. С. 356—357.

Основная функция этого «языка дружбы» — сугубо тавтологическая: воспевание самой «дружбы народов». Так рождается своего рода метапоэзия:

Великая держава,
Тебе подобной — нету,
Поют о крепкой дружбе
Ашуги и поэты.
Поют бахиш, акыны,
Бродячие гафизы.
И воздух там не стынет,
Где жемчуг слов нанизан.

(Александр Чачиков. *Однинадцать республик*).⁵

Пространство по ту сторону границы гетерогенно. Соответственно, советское пространство гомогенно. И основа этой гомогенности — опять-таки литература. Она становится основным референтом прокламируемой дружбы, а идеологическая тавтология заражает традиционным для русской культуры литературоцентризмом поэзию всех остальных народов СССР:

Братство народов свято для нас,
Свято великих культур родство,
Русской культуры прежде всего,
Святы, как мудрость и соль земли,
Пушкин, Абай, Шота, Тарас —
Те, чьим садам расцвесь помогли
Ленин и вы, Сталин-жолдас!..

(Из обращения Второго съезда писателей Казахстана к товарищу Сталину, 1939 год)⁶

Если такая, через литературу, идентификация писателей объяснима, то для крымских колхозниц-табаководов она куда менее очевидна. Здесь национальная и гендерная идентичность сливаются в ориентальном сюжете русской классики — «Бахчисарайском фонтане» Пушкина:

Когда ж на землю к нам ступил
Певец прославленный России,
Он в нашем прошлом различил
Лишь слез ручьи да кровь Марии.

Не то сегодня —

Тут сотни героинь-ударниц
Весной выходят на поля.
Табак и виноград янтарный
Дарит им щедрая земля.

5 Стalinская Конституция в поэзии народов СССР. М.: Художественная литература, 1937. С. 312.

6 Казахстанская правда. 1939. 15 окт. С. 3.

И если из Украины дальней
Мария гостьей к нам придет,
Тот день — тобой клянемся, Сталин! —
Как праздник, встретит наш народ.

В воображении «крымских колхозниц-табаководов» героиня Пушкина полностью преобразилась:

Где призрак пушкинской Марии?
Где душного гарема дочь?
Лучи победы озарили
Марию — сталинскую дочь.

Мария та в руках у хана
Терпеть учились и рыдать,
Мария эта нас, дехканок,
Стихию учит побеждать.

Марию ту встречали местью,
Кинжалы грозною игрой,
А нам обняться будет честью
С Марией, милою сестрой.

И если ту Марию славит
Фонтан печали, слез фонтан,
Мария эта нам оставит
Побед и счастья океан.

*(Письмо-рапорт крымских колхозниц-табаководов товарищу
Сталину сложил стихами Абульгасем Лахути по поручению слета
900 колхозниц-табаководов Ялтинского района Крымской АССР.
Пер. с фарси И. Бану.)*

Литература, будучи едва ли не единственным источником знаний о инонациональных культурах, оказывается единственным объединительным пространством:

Дорог Пушкин нам, Некрасов, дорог нам и Лев Толстой,
Мы у Гоголя пленились Украины красотой.
Любим стих Шевченко гневный, Чехов, Горький — близки нам.
Мы внимаем всех народов и напевам, и стихам.

*(Письмо трудящихся Советской Грузии вождю народов великому
Сталину. Пер. В. Гаприндашвили.)⁸*

Поэзия дружбы народов объединяет классическую и советскую литературу в единый культурный конгломерат, так что Пушкин, Шевченко или Руставели превращаются в советских писателей «братских республик»:

7 Сталинская Конституция в поэзии народов СССР. С. 454—456.

8 Сталин в поэзии: к шестидесятилетию со дня рождения. С. 243.

Читаем Ленина и Маркса. В каждый дом
Вошел учителем и твой бессмертный том.
Черпать в «Истории ВКП(б)» привык
Живую влагу сил узбекский большевик.
Нам близок стал, и Гёте, и Джами,
Шекспир, грузин Шота, Шевченко, Низами.
Как сестры нам — Ширин и Дареджан. Свои —
Нам гений Пушкина и гений Навои.
Как сокол горьковский, язык свободен наш...
О чаша вольности, сладчайшая из чаш!

(Письмо счастливого узбекского народа вождю
народов — великому Иосифу Виссарионовичу Сталину.
Пер. с узбекского Л. Пеньковского.)⁹

Кульминацией эта литературоцентрическая гомогенность достигает во время войны, то есть тогда, когда граница стала зоной боя, пришла в движение. Она потеряла былую стабильность. Она движется вместе с войсками, неся интернациональный литературоцентризм в качестве главного мобилизующего фактора в борьбе с враждебным миром по ту сторону линии боевого соприкоснения с противником:

За оскверненный гроб Толстого — в бой!
За жемчуг пушкинского слова — в бой!
Вперед, чтоб не был осквернен вовек
В гробнице самарканской Улуг-бек,
Да не сожжет дикарь германский книг,
Что монументом Навои воздвиг!

(Миртемир. Приветствие защитникам Сталинграда.
Пер. с узбекского Л. Пеньковского.)¹⁰

Воспевание некоего сверхязыка, который понятен всем советским людям, становится едва ли не главной темой сталинской поэзии. Сталин и сталинское слово становится тем медиумом, который не только объединяет людей внутри советских границ, но делает эти границы непроницаемыми для внешнего мира. Сам же всесоюзный многонациональный литературный канон становится настолько интегрированным в национальные культуры, что через него начинают выстраиваться и «национальные эпосы». Это «братьство» и гомогенность советских народов идут, оказывается, из глубокой древности. В 1937 году Джамбул создает «Песню о жизни», которая представляла собой квазиэпическую поэму об истории казахов. Рефреном звучало здесь обращение к «брасским» национальным литературам, при помощи которых структурировалась новая история казахского народа:

Много преданий запомнил, сберег
Я в перепутьях крутых дорог.
Вижу, несется над грозной стремниной

9 Там же. С. 326.

10 Правда Востока. 1948. 7 мая. С. 3.

Песня, как взлет горделивый, орлиный, —
Витязь народа Шота идет,
Равный жемчужным кавказским вершинам.

Проходят столетия — и вот

Усталый верблюд тихо идет.
Песню в песках седок поет,
Слезы в глазах, кровь на губах,
Едет любимый певец Украины,
Едет Тарас на верблюжьих горбах.

.....

Мчатся столетия на скакуне.
Пушкин едет в простом чапане,
Арба худая, колеса скрипят,
Клячи, хомут разрывая, пыхтят.
Кружатся вороны черною стаей,
Сердце поэта вырвать хотят.

Арба худая поэта везет,
Песню народа Пушкин поет
Царь испугался. Доволен народ.
Пушкин скитаясь, как наш Кайты,
С диких и снежных Кавказских высот
Славит великий русский народ.

Песня его неслась, не смолкая,
Песня запала в душу Абая,
И у предгорий седого Тянь-Шаня
Заговорили Онегин с Татьяной
На близком народу родном языке,
На золотом языке Казахстана.

Мчатся столетия на скакуне...
Едет Джамбул по любимой стране,
Он, как орел над вершиной Кавказа,
Взлетает душой, не кривившей ни разу
Он перед баями спину не гнул...
Едет овеянный славой Джамбул.

Прошлое казахов (как и всех советских народов) определяется, таким образом, через грузина Руставели, украинца Шевченко, и главное — русского Пушкина. Сам Джамбул, создатель новой, сталинской истории Казахстана, предстает в этой проекции прямым продолжателем — через Абая — этой многонациональной «братьской» стихии. Стихия эта — в песне и слове (неслучайно именно с поэтами связывает Джамбул многовековую историю казахов). Только песня теперь иная:

Сталин — родная наарода мечта,
Радость народа и красота.
Сталин — любимый, равного нет,
Сталин — великой планеты поэт,

Сталин — народных песен певец,
Сталин — могучий Джамбула отец¹¹.

Самое величие национальных классиков состоит в их причастности к великому вождю. Так, побывав в Гори на юбилее Руставели в 1937 году, Джамбул написал стихотворение «Привет Кавказу», в котором величие Грузии определяется рождением Руставели, голосом которого поет теперь казахская степь о величии другого грузина — Сталина:

Вырастил ты в золотой колыбели
Думы бессмертные Руставели.
Лебедем гордым они прилетели
В мой Казахстан, и аулы запели:
«Под сталинским солнцем пусть вечно живет
Великий грузинский народ!»¹²

Таким образом, главным объединяющим фактором многонациональной поэзии являлось воспевание «светоча Сталина», в чем объединились все народы советской страны. Стalin — творец Конституции, закрепившей новое национально-государственное устройство. Сама его речь о Конституции становится без конца повторяемым мотивом — ее слушают все народы:

С трибуны звучит, как могучий набат,
Вождя гениальный доклад.
Казахи в степях,
Грузины в горах,
Зыряне в лесах,
Белорусы в полях —
Народы, чтобы каждое слово сберечь,
Слушают Сталина речь.

(Джамбул Джабаев. Слушая Сталина речь.
Пер. с казахского К. Алтайского.)¹³

Причастность советскому пространству снимает тему внутренних границ. Населяющие СССР народы существуют без них, чему способствует их лингвистический универсализм. Хотя сталинский доклад делался по-русски, он понятен всем народам, владеющим особым эзотерическим надъязыковым кодом. Их идеологическое знание основано на снятии национальных различий:

И много языков; лазурь, своя, родная,
Как в зеркале реки, отражена в любом, —
Но мы живем, трудясь, и, слово Сталин зная,
Повсюду говорим на языке одном.

(Максим Рыльский. Единство. Пер. с украинского
Н. Ушакова.)¹⁴

11 Джабаев Д. Собрание сочинений. Алма-Ата: Казахское объединенное государственное издательство, 1946. С. 236—237.

12 Там же. С. 238—241.

13 Сталинская Конституция в поэзии народов СССР. С. 212.

14 Там же. С. 293.

Самое знание заветного слова состоит в приобщении к русскому языку: заслуга Сталина усматривается в том, что он не только примирял враждовавшие ранее народы, но помог им понять себя в качестве младших братьев русского народа, что сводило в едином идеологическом пространстве Сталина и Пушкина:

Веками с братьями мы жили на ножах, —
Ты всех нас примирял, и дорог нам казах,
Киргиз, туркмен, таджик, грузин и армянин.
(Так связан был Фархад с армянкою Ширина).
Нас тяготил века позорный, черный груз:
Мы — правоверные, а он «кафир» — урус.
Ты нам глаза открыл: «Вам русский — старший брат,
Вас обманул коран, царизм и эмират...»
Народу русскому, великому — хвала
За славные его, великие дела!
За Ленина — хвала! За Пушкина — хвала!
Тебе, отец, за все учение хвала!
На свете нет прочней советских братских уз,
Нет черных сил таких, чтоб наш порвать союз!

(Из письма узбекского народа товарищу Сталину к открытию XVIII съезда ВКП(б). Пер. с узбекского Л. Пеньковского.)¹⁵

Парадоксальным образом чем «национальнее» становятся советские «нации», тем ближе оказывается их «родство», доходя наконец до той стадии, когда «национальное» остается лишь в качестве языкового орнамента. В конце концов, основная задача советской многонациональной литературы — создание новой, «общесоюзной», советской идентичности, в которой этническое представлялось как национальное, а национальное — как интернациональное. Речь идет о стирании национальных границ и полной гомогенизации советского пространства, лежащей в основе *советского имперского воображаемого*. В основе этой двойной замены лежал механизм выстраивания этнической идентичности с одновременным ее разрушением и пересозданием в качестве национально-интернациональной советской.

Эта рифмованная идеология наиболее ярко проявила себя в новом пространственном измерении страны в 1930-е годы, каким его запечатлела советская поэзия, в которой «национальное» — лишь оттенок единого советского узора, который центрируется на Москве:

Наш край — Россия. Всей земли
Одна шестая — наша сила.
Здесь люди счастье обрели:
Страна такая — наша сила.

Чье сердце бьется с нашим в лад,
С тем споров нет: он друг, он брат.
Баку, Тбилиси, Ленинград,
Москва родная — наша сила.

---

15 Стalin в поэзии: к шестидесятилетию со дня рождения. С. 328.

Мы дети братских всех племен,
Не знаем никаких препон.
Отчизны гордость — наш закон,
Власть трудовая — наша сила.

(Сулейман Стальский. *Наша сила* (1934).
Пер. с лезгинского С. Липкина.)¹⁶

Дружба эта трактуется не только прямо политически, но как стихийное, природное, естественное «единение». Трансформацией истории в природу занимается, согласно Ролану Барту, миф (см.: [Барт 1989: 111]). Подобной же натурализацией и метафоризацией политической реальности занималась многонациональная советская поэзия. Ее продуктом становится новая идеологическая география:

Навеки с Волгой многоводной
И Днепр, и Терек подружился.
В стране могучей и свободной
Звездой Кремлевской путеводной
Их путь широкий озарился.

(Янка Купала. *Дороги* (1939). Пер. с белорусского
М. Исаковского.)¹⁷

Москва («Кремлевская звезда», «башни Кремля», «Красная площадь») — центр символизации власти, которая всячески согревается и гуманизируется в советской поэзии. Это приближение Москвы к «братьским народам» наилучшим образом иллюстрируется стихотворением Демьяна Бедного «Страна родная!», где москвич, растворяясь в разноплеменной массе, превращается не просто в своего рода «посланника» русского народа, но становится воплощением его «всемирной отзывчивости»:

Пошли дела чудесным ходом.
Москвич в работе там и тут.
Он русским выращен народом,
Но средь якутов он — якут,
Средь украинцев — украинец,
Средь белорусов — белорус.
Различья нет ни на мизинец
Мы все слились в один Союз,
Идем к одним завоеваньям
Сплошной стеной, плечо с плечом.
«Москвич» — природным стало званье.
Не опороченным ни в чем!¹⁸

Москва — прежде всего персонализованное пространство: в нем заключены общая история, память, боль и радость. «Городом сердца» предстает она в стихотворении «Москва» классика азербайджанской советской поэзии Самеда Бургана:

16 Стальский С. Сочинения. М.: НПО Экономика, 2000. С. 249.

17 Стихи и песни о дружбе народов. М.: ГИХЛ, 1940. С. 76.

18 Правда. 1936. 6 нояб. С. 4.

О Москва моя, вечно живая заря!
Ты живешь, вдохновение сердцу даря.
Я познал материнскую ласку твою
И в сыновней груди твое пламя таю.
Мы с тобой разделили и хлеб наш и соль,
Мы с тобою знаявали и радость, и боль,
И в огне испытаний дороже всего
Наша кровная дружба и наше родство!

(Пер. с азербайджанского А. Плавника.)¹⁹

Но окончательно эта новая топографическая риторика оформилась во время войны. Самым известным стихотворением нерусского поэта военной эпохи стало обращение Джамбула «Ленинградцы, дети мои». Этим стихотворением Джамбул открыл не только тему ленинградской блокады, но и целый поток стихов-посланий «братских поэтов»: узбеков Амина Умари со стихотворением «Ленинград — Узбекистан» и Миртемира со стихотворением «Крепость Севера», грузинских поэтов Иосиф Гришашивили (стихотворения «Ленинграду» и «В городе Пушкина») и Алио Машавили (стихотворение «Два города») и др. Везде здесь звучала тема родства России для «братских народов».

О Россия! Россия! Твой сын, а не гость я,
Ты — родная земля моя, отчий мой кров.
Я — твой сын, плоть от плоти твоей, кость от кости,
И пролить свою кровь за тебя я готов, —

(Пер. с узбекского В. Державина.)²⁰

— писал в стихотворении «Россия» погибший на фронте узбекский поэт Хамид Алимджан. Эта новая идентичность, когда он объявляет себя русским, была продуктом происшедшей во время войны деметафоризации предвоенной интернациональной идеологии. Это более не риторика, но новая политическая реальность. В «Письме узбекского народа бойцам-узбекам» прямо говорилось:

Вольный сын и свободная дочь узбекского народа! Твой народ является детищем Советского Союза. Русский, украинец, белорус, азербайджанец, грузин, армянин, таджик, туркмен, казах и киргиз совместно с тобой в течение двадцати пяти лет днем и ночью строили наш большой дом, нашу страну, нашу культуру. Вы были вместе с ними в борьбе и труде, на празднествах и пирах!

Теперь в дом твоего старшего брата — русского, в дом твоих братьев — белоруса и украинца ворвался германский басмач. Он несет коричневую чуму, виселицу и кнут, голод и смерть. Но дом русского — также и твой дом, дом белоруса и украинца — также и твой дом! <...>

Ты не должен ждать, когда коварный и кровожадный разбойник ворвется в твою улицу и квартал, ты должен отогнать его от порога дома твоих братьев. Ведь твоя улица начинается в Белоруссии, а дом украинца — в твоем квартале. Плач вдовы в Крыму остро сверлит твое сердце. Союз Советских республик — это

19 Вургун С. За счастье: Стихи. Баку: Азернешр, 1942. С. 45.

20 Священная война. Стихи о Великой Отечественной войне. М.: Художественная литература, 1966. С. 32.

крепость с одними воротами, и разбойник, влезший в эти ворота, покушается и на твою жизнь! (Пер. с узбекского Л. Пеньковского.)²¹

В послевоенной русской поэзии риторика «дружбы народов» становится все более центростремительной. Периферийные пространства служат в ней лишь выделению Центра — Москвы, которая приобретает статус страны. Периферия маркирует теперь не границу, но Центр. Типично в этом отношении стихотворение Льва Озера «Москва»:

Как люблю я в полдень лета
Кремль в сиянии лучей,
Мимо университета
Проходящих москвичей.
Слышу в толпах быстротечных
Шорох трав и гул морей,
Многозвучный и сердечный
Говор Родины моей.
Как я рад, что всюду вхожи
На одних правах со мной
Желтокожий, темнокожий —
Люди совести одной.
Верен дружественным узам,
Нас литовец посетил,
И бок о бок с белорусом
Проплынет осетин.
И по Моховой в халатах
Цвета неба и жары
Ходят тихо, как по саду,
Люди нашей Бухары²².

Стоит перевернуть перспективу, чтобы получить искомый результат, — сопоставить это стихотворение со стихотворением узбекского поэта Шейхзаде «Наша Москва»:

Мы все от Москвы получили навек:
Узбеки — самое слово «узбек»,
Звонкие песни — певцы-старики,
Умение читать и писать — кишлаки,
Крепкую сталь — отточенный меч,
Влагу — земля, и поэты — речь²³.

Москва обретает некий сверхсубстанциальный характер, дав узбекам не только песни, грамоту и воду, но — речь и, наконец, «самое слово — узбек». Потеряв свою древнюю историю, узбеки родились заново, подобно молодому побегу, как и все другие «братские республики» на древнем теле Москвы. Если учитьывать, что она стала синонимом и символом прежде всего русской государст-

21 Правда. 1942. 31 окт. С. 3.

22 Огонек. 1949. № 43. С. 14.

23 Октябрь. 1948. № 7. С. 8.

венности (что с особой силой было подчеркнуто в 1947 году, когда помпезно отмечалось 800-летие Москвы), то радость русского поэта от того, что «всюду вхожи на одних правах со мной» представители разных национальностей, воспринимается на фоне прославления Москвы как радость от того, что все эти «столько разных» входят в многонациональное русское государство. Так, по крайней мере, читаются слова о «нашой Бухаре»²⁴.

Эта риторика играла важную роль в формировании общесоветской идентичности и легла в основу советского патриотизма, основанного на разделении мира на безнационально-гомогенный внутри советских границ (позже эти границы стали охватывать и «братские социалистические страны») и враждебный и внутренне «раздираемый национальной враждой» мир за пределами советской империи, описываемой при помощи метафорики братства, семьи народов, дружбы и других тропов. Ключевым для этой тропологии оставалось понятие границы. Внутри советских границ всякая этническая партикуляризация становилась признаком опасного диссидентства. Ее признаком являлся выход за пределы рассмотренных тропов. Демонстрацией последствий такого выхода может служить одна из последних атак на «буржуазный национализм» в сталинскую эпоху в связи со стихотворением Владимира Сосюры «Люби Украину», опубликованном в ленинградской «Звезде». Написанное и опубликованное в Украине задолго до 1951 года, оно прошло незамеченным и почти не имело резонанса, но, переведенное Александром Прокофьевым и опубликованное во всесоюзном журнале, стало поводом для широкой кампании. Редакционная статья «Правды» от 2 июля 1951 года «Против идеологических извращений в литературе», перепечатанная всеми центральными изданиями и таким образом обретшая статус официального документа огромной важности, была вдвойне оскорбительной для Украины еще и потому, что появилась буквально сразу после помпезной Декады украинского искусства и литературы в Москве и являлась (не исключено, что вполне сознательно) своеобразным официальным постскриптулом к этому событию. Еще не успела закончиться украинская декада в Москве, еще не сняты были афиши праздника и не успели уйти из памяти слова о «расцвете культуры Советской Украины», как разворачивается кампания, в ходе которой руководители Союза писателей Украины вынуждены оправдываться за свой «национализм»:

Русская литература, ее титаны, выращенные гением русского народа, — это непревзойденные вершины мировой культуры. Они особенно близки и родственны нам, писателям украинского народа. Внимательно и любовно мы учимся и будем учиться высокому искусству литературы... у русских писателей... Эта статья — проявление отеческой заботы партии о судьбе нашей литературы, о судьбе нашей украинской культуры²⁵, —

говорил А. Корнейчук на специально созванном VI пленуме Правления Союза писателей Украины с повесткой дня «Идеологические извращения в лите-

24 Сама созданная Сталиным институциональная структура предполагала синонимичность понятий «русское» и «многонациональное» — ею определялось отсутствие собственно российских культурных институций, таких как Академия наук, ЦК партии, Союза писателей. Всесоюзные органы были фактически органами российскими, а республиканские — их филиалами («наша Бухара»).

25 См.: Литературная газета. 1951. 6 авг.

ратуре, вскрытые в статье газеты “Правда” и очередные задачи писателей Украины».

«Отеческая забота» проявилась в том, что стихотворение Сосюры было оценено в крайне резких (даже для этого времени) выражениях. Было сказано, что, «вопреки жизненной правде, он воспевает некую извечную Украину, Украину “вообще”... вне времени, вне эпохи — вот Украина в изображении поэта», «под таким творчеством подпишется любой недруг украинского народа из националистического лагеря, скажем, Петлюра, Бандера и т.п.», «откровенно националистически звучат слова поэта, грубо искажающие правду жизни: “Ничто без нее мы, как пыль в поле, дым, гонимые вечно ветрами” <...> Известно, что существо национализма состоит в стремлении обособиться и замкнуться в рамках своей национальной скорлупы, в стремлении не видеть того, что сближает и соединяет массы национальностей СССР, и увидеть лишь то, что может отдалить друг от друга»²⁶. Из этого определения национализма, данного «Правдой», следовало, что «сближаться» в едином советском пространстве можно было только с русским народом. Особенно возмутил «Правду» переводивший стихотворение Прокофьев тем, что при переводе вписал в текст строки, которых в нем не было:

Ничто без Советской Отчизны мы <...>
Для нас в белом свете Отчизна одна,
В стихах, что под Волгою льются,
И в звездах Кремля, и в узбекских садах
Родные сердца всюду бьются...²⁷

Приписанный автору при переводе текст (широко распространенная в переводах литератур народов СССР практика) обнажал конвенциальность приема, демонстрировал его стертость, тем самым компрометируя его.

Итак, соотношение модальности внешних и внутренних границ приводят к выводу о том, что они семантизировались по принципу дополнительности: чем напряженнее и непрозрачнее была внешняя граница, тем более гомогенным становилось внутреннее советское пространство, достигая в сталинскую эпоху полной прозрачности. И наоборот, как только внешняя граница приходила в движение, обозначались внутренние границы и начинался спад имперского тела. Можно ли делать подобный вывод, исходя только из риторических практик? Можно, если помнить, что эти практики имели pragmatische функцию, будучи типичными имперскими практиками. Иначе говоря, в работе границ принцип дополнительности никогда не работает. Внутри страны, где существует культ пограничника и «священных рубежей», «братьство народов» может быть только риторическим. И наоборот, там, где культивируется толерантность, внешние границы регулируются довольно либерально.

Специфика советской империи состояла в том, что в ней действовали два разнонаправленных вектора: pragmatische она основывалась на классическом имперском принципе — расподеления, доминирования и иерархии, а риторически — на интернационалистском принципе гомогенности, политкор-

26 <Без подписи.> Против идеологических извращений в литературе // Правда. 1951.

2 июля. С. 1.

27 Правда. 1951. 2 июля.

ректности и равенства. Эти два вектора на первый взгляд дополняли друг друга, но в действительности один подрывал другой. Пространство за границами «отдельно взятой страны» становилось все более гомогенным, а внутри страны риторика дружбы призвана была скрывать классические имперские практики, которые в условиях политического кризиса неизбежно вели к формированию и эманципации наций. И хотя советская поэзия утверждала, что «дружба народов не знает границ», как только на руинах советской империи произошло оформление новых наций, границы возникли и положили конец дружбе.

Библиография / References

- [Барт 1989] — Bart P. Миф сегодня // Bart P. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 72—130.
(Barthes R. Le mythe, aujourd’hui // Barthes R. Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika. Moscow, 1989. P. 72—130. — In Russ.)
- [Добренко 1996] — Добренко Е. До самых до окраин // Искусство кино. 1996. № 4. С. 97—102.
(Dobrenko E. Do samykh do okrain // Iskusstvo kino. 1996. No. 4. P. 97—102.)
- [Clark 1981] — Clark K. Soviet Novel: History as Ritual. Chicago: University of Chicago Press, 1981.